

116
2885

Проф. Л. Н. Литовченко.

801-16
839

ф 161
3564

Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Русский Книжник“

XII-29943
XII-29943

МОСКВА.
1923.

ИРАС-102

2011096460

Р. Ц. № 213.—Г. Сергиев 1922 г.

Тираж 2000 экз.

Типография Иванова,—г. Сергиев, Московск. губ.

Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства.

К вопросу о природе крестьянского хозяйства.

I. Цели очерка.

Философия истории резко отграничивает друг от друга понятия эволюции и прогресса. Эволюция — мертвый, бездушный, лишенный творческой мысли и разумного смысла процесс, движение, в котором нет начала и конца, нет добра и зла, нет истины и заблуждения. Теория прогресса ставит вопрос о конечном назначении и судьбах человечества, она верит, что история имеет смысл, она верит в силу человеческого разума и конечное торжество его над неразумною причинностью.

Нужно различать понятия эволюции и прогресса и по отношению к судьбам крестьянского хозяйства. Одно дело раскрыть законы слепой эволюции и другое дело оценить ее результаты с точки зрения положительного идеала. Пути эволюции и прогресса могут не только не сходиться, более того — они могут вести к противоположным берегам.

Ошибка большинства русских экономистов заключается в том, что они очень много говорят о закономерности аграрной эволюции и молчат о положительном идеале хозяйственного прогресса. Если же заходит речь о последнем, то любой из русских авторов как будто готов повторить за Гегелем: „все существующее разумно“. В общем, понятия эволюции и прогресса отождествляются по отношению к крестьянскому хозяйству. В этом сказывается бессознательный материализм русской экономической мысли. Вся она без различия направления выросла и воспитана на Марксе.

Вполне правильно замечает Булгаков, что „экономический материализм есть господствующая философия политической экономии. Практически экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм“¹⁾.

Со своей стороны мы постараемся разграничить понятия эволюции и прогресса крестьянского хозяйства. Критический анализ господствующей теории крестьянского хозяйства должен показать нам основные силы его стихийной эволюции. Сопоставление этих сил с идеалом хозяйственного развития страны должно выяснить, какие из них наделены положительным знаком и какие отрицательным, какие ведут к прогрессу и какие неустанно тормозят его. Исследуя законы прошлого, мы открываем средства настоящего, которые могут приблизить желанное будущее.

Следует оговориться, что объектом дальнейших рассуждений будет русское крестьянское хозяйство в том виде, в каком оно захвачено революцией. Глубокие изменения, произведенные в нем социалистическим опытом, могут быть легко объяснены и поняты в свете нашей теории крестьянского хозяйства. Но это тема другой работы, выходящей за пределы настоящего очерка.

2. Неонародничество.

Литературно-историческая справка о теориях аграрной эволюции облегчается появлением первой части капитального труда Н. П. Макарова „Крестьянское хозяйство и его эволюция“. Книга претендует подвести итоги всей огромной предшествующей литературе и дать собственное оригинальное решение вопроса. Как не оценивать достоинства нового вклада в науку, бесспорное значение книги Макарова заключается в том, что она снова вводит читателя в круг старых вопросов об особенностях крестьянского хозяйства, о сравнительных преимуществах мелкого земледелия, о законах его развития и судьбах русского сельского хозяйства.

Пусть это—старые избитые темы, пусть ничего абсолютно нового и свежего нельзя уже сказать в этой области. Но в эпоху переоценки ценностей мы часто напоминаем взрослых

¹⁾ С. Булгаков. Философия хозяйства, стр. 4.

людей, впервые после долгого отсутствия вернувшихся в забытые места юности и детства. Дорога осталась та же, сохранились те же дома, деревья, очертания придорожных предметов. Одно за другим плывут воспоминания, встают привычные, знакомые образы. Но как изменились пропорции, какими приземистыми стали строения, казавшиеся прежде образцом величия, как посерели бывшие герои, и как выросли незаметные когда-то люди.

Вот почему полезно еще раз проделать старый путь вслед за Макаровым и его единомышленниками, хотя бы сами они вовсе и не задавались целью переоценки ценностей, и хотя бы окончательные их выводы близко напоминали старые давно знакомые схемы.

Н. П. Макаров отвергает обычное деление на марксистскую и народническую теорию. Он предлагает иной раздел экономической мысли, по линии социально-экономического и организационно-производственного ее направления. Социально-экономическое течение интересуется, по мнению Макарова, „главным образом вопросами классовых отношений и распределения доходов. Интересовались вопросом развития капиталистических отношений в деревне, борьбой крупного и мелкого хозяйства, подсчитывали систематически количество различных социально-экономических групп, устанавливали, как распределяются доходы между этими группами и т. д.“¹⁾. Любимой темой социально-экономического направления был и остается старый спор о дифференциации крестьянства. Ему в одинаковой мере отдали дань и марксисты и народники.

Совсем иные интересы у другого направления. Элементы сельскохозяйственного прогресса последних десятилетий, западные влияния и запросы общественной агрономии заставляют подходить к крестьянскому хозяйству с деловой стороны. Возникает практический интерес к внутренним переживаниям крестьянского хозяйства, к выяснению его внутреннего организационного строя. „Так слагался, говорит Макаров на своем несколько неуклюжем языке, — так слагался, стимулировался и укреплялся интерес к изучению внутреннего строя и жизни крестьянского хозяйства; этот

¹⁾ Н. Макаров, Крестьянское хозяйство и его эволюция. М. 1920. Стр. 10.

интерес вызывался практическими запросами активной деятельности и носил на себе организационные черты, почему мы и будем называть это течение организационно-производственным¹⁾.

Итак, социально-экономическое направление занимается вопросами классовой дифференциации, а организационно-производственное изучает внутренний строй крестьянского хозяйства.

Нетрудно видеть, что классификация теорий, предлагаемая Макаровым, является классификацией по методу, она построена на формальном признаке и не затрагивает существа вопроса. Социально-экономическое направление не может довольствоваться одной классовой группировкой крестьянства, как и организационно-производственное течение не может ограничиться чисто техническими вопросами.

Конечной целью всякого более или менее широко задуманного исследования в области аграрного вопроса является выяснение природы крестьянского хозяйства и перспектив его развития. Эти задачи ставят себе в одинаковой мере и „социально-экономическое“ и „организационно-производственное“ направления. Только в одних случаях теория эволюции обосновывается данными о действительном, свершившемся уже перераспределении хозяйственных групп, с течением времени и в масштабе народного хозяйства, а в других—тенденции перераспределения открываются дедуктивным путем, опираясь на природные особенности индивидуального крестьянского хозяйства и отправляясь за изучением их „внутри“ хозяйства, по выражению того же Макарова.

Если бы представители организационно-производственного направления были лучше знакомы с теоретической экономией и ее методом, они поняли бы, что по отношению к аграрной эволюции ими ставится давно уже начатый в теоретической экономии спор, — вопрос о сравнительном значении и правах двух противоположных методов исследования: социально-органической точки зрения на народное хозяйство и его процессы и так наз. „методологического индивидуализма“²⁾.

¹⁾ Н. Макаров. Цит. соч., стр. 13.

²⁾ Будем помнить, что в последнем случае речь идет не об индиви-

Более ранние писатели, марксисты и народники, почти без исключения пользовались первым методом. Организационно-производственное направление пытается стать на точку зрения методологического индивидуализма. Яснее всего она сознается повидимому А. В. Чаяновым. На первой же странице одной из своих последних книг он считает нужным заявить, что еще не так давно многие экономисты „мыслили народное хозяйство как огромное частное хозяйство народа, построенное на основе единства хозяйственного плана и как бы руководимое единой хозяйственной волей... Теперь после работ П. Б. Струве и других авторов мы можем уверенно полагать народное хозяйство не более как псевдохозяйством, конгломератом самых разнообразных хозяйственных форм и образований“¹⁾.

В действительности работы Струве и „других авторов“ прошли мимо организационно-производственного направления. Ни Чаянову, ни его единомышленникам не удалось выдержать до конца новой точки зрения. Учение Чаянова об организации Аппарата (с прописной буквы!) единой крестьянской кооперации совместимо только с органической точкой зрения на народное хозяйство. То же самое представление о народном хозяйстве, как субъектном „единстве“, а не безсубъектной „системе“ хозяйства сквозит и во всех окончательных выводах других представителей того же направления мысли.

дуализме, как особой политической и философской доктрине, а об особом методе исследования общественных явлений, которым с одинаковым правом могут пользоваться и социалисты и либералы. „Мы должны строго различать,—говорит известный немецкий ученый, проф. Шумпетер,—политический и методологический индивидуализм. Оба не имеют между собою ничего общего. Первый исходит из общих принципов, вроде того, что свобода больше, чем что-либо иное содействует развитию человека и общественного блага и выставляет ряд практических утверждений; второй не делает ничего подобного, ничего не утверждает и не имеет особых предпосылок. Он означает только, что при описании определенных экономических явлений исходят из деятельности отдельных индивидуумов... Это чисто методологический вопрос без всякого принципиального значения“. J. Schumpeter. Das Wesen und der Hauptinhalt der Theoretischen Nationalökonomie. Leipzig, 1908. Стр. 90—1.

¹⁾ А. Чаянов. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М. 1919, стр. 6.

Во всяком случае, если этому течению не удастся отграничить себя от других, то только по лилии некоторых особенностей своего метода. Деление всей аграрной литературы на марксистскую и народническую этим отнюдь не уничтожается.

Более того, поскольку между этими двумя лагерями существует непримиримое противоречие во взглядах на природу и судьбы крестьянского хозяйства, организационно-производственная группа писателей целиком оказывается в лагере народников. Мы увидим это яснее, когда разберемся в основных положениях новой теории. За вычурной терминологией, манерным языком и сложными формулами мы легко узнаем знакомые черты преклонения пред „трудовым началом“, перед устойчивостью, неизбежностью и „напряженностью“ этического элемента в крестьянском хозяйстве.

Родство с настроением писателей народников оказывается настолько близким, что я без всяких оговорок предложил бы представителям организационно-производственной, или как они еще себя называют трудово-потребительной теории крестьянского хозяйства заменить свое мудреное имя более простым и понятным названием — неонародничества.

Дальше я буду говорить исключительно о неонародничестве, оставляя в стороне марксистскую теорию эволюции. Делается это по следующим соображениям.

Трудово-потребительная теория господствовала в русской литературе уже до войны 1914 года. За время войны и революции теория закончила свое развитие и получила выражение в многочисленных работах проф. А. Н. Челинцева и группы московских экономистов-сельскохозяйственников Н. П. Макарова, А. В. Чаянова и отчасти А. А. Рыбникова. В самое последнее время в 1919—20 году организационно-производственная группа выдвинула тяжелую артиллерию. Н. П. Макаров опубликовал цитированный уже том I своего „Крестьянского хозяйства и его эволюции“. Почти одновременно вышла книга А. В. Чаянова под названием „Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации“ и, наконец, появились в Харькове два солиднейших труда проф. А. Н. Челинцева: „Опыт изучения организации крестьянского хозяйства на примере Тамбовской губ.“ и „Теоретические основания организации крестьянского хозяйства“.

Одни перечисленные 4 книги составляют более 1500 страниц, посвященных одним и тем же вопросам, главное, написанных в одном и том же духе и авторами принадлежащими к одной и той же школе. Бесспорно, это настолько солидный вклад даже в богатую русскую литературу вопроса, что он заслуживает самой внимательной оценки и теоретического рассмотрения. И это тем более, что трудово-потребительная теория очень редко подвергалась до сих пор серьезному разбору и научной критике.

3. Трудово-потребительная теория.

Как показывает само название, теория выдвигает два момента: потребление, как цель крестьянского хозяйства, и собственный семейный труд, как средство для достижения этой цели. На этих двух устоях покоится все учение об „особой“ природе крестьянского хозяйства.

Послушаем прежде всего, как формулируют это учение отдельные представители трудово-потребительной теории крестьянского хозяйства. Не заходя слишком далеко в глубь истории, приведем мнение четырех из них, в том числе одного „марксиста“ и трех „народников“.

Один из ранних теоретиков „особенной“ природы крестьянского хозяйства проф. В. А. Косинский, усматривает эту „особенность“ в своеобразном методе вычисления доходности трудового земледелия. „У некапиталистического предпринимателя, — говорит он, — нет прибавочной стоимости, нет прибыли на капитал, а следовательно, нет и процента прибыли. Некапиталистический предприниматель прилагает свой собственный, а не наемный труд и получает в качестве дохода всю вновь созданную в предприятии ценность, не расходуя ее на прибыль и заработную плату... Его не интересует вопрос о высоте процента прибыли, он не стремится получить как можно больший процент прибыли на капитал... он стремится только найти наиболее выгодное занятие своему труду“¹⁾.

В. А. Косинский принадлежит к поколению старых марксистов. Воспринятая им народническая идея трудового хо-

¹⁾ В. А. Косинский. К аграрному вопросу. Вып. 1, 1906 г., стр. 83—4.

зяйства выражена еще в марксистских терминах и потому звучит сухо и пусто.

Гораздо отчетливее и ярче формулирована та же мысль у неонародников. Проф. А. Н. Челинцев различает два внутренних фактора организации крестьянского хозяйства: „строй потребления хозяйничающей семьи“ и „запас реализуемого в хозяйстве труда“. Эти два фактора балансируются в определенных пределах „самоэксплуатации“ семьи. „Хозяин в трудовом хозяйстве, — поясняет Челинцев, — являясь в то же время работником, не станет „эксплуатировать себя“ так, как наемного человека; он тратит свой труд в таком количестве, которое необходимо затратить для удовлетворения привычных потребностей семьи. Если же все нужное для существования семьи было бы добыто ее работниками втечение, напр., 150—180 дней в году, то от дальнейшей собственной работы наше трудовое хозяйство воздержится. Если семья обходится меньшими расходами без лишений себя в привычных потребностях, то работники сокращают работу“¹⁾.

Еще определеннее выражается та же идея трудового потребительного баланса у А. В. Чаянова, при чем важнейшим следствием ее признается возможность пониженной оплаты труда в крестьянском хозяйстве.

„Хозяйство крестьянское, — говорит этот автор, — есть прежде всего хозяйство семейное, весь строй которого определяется размером и составом хозяйственной семьи; соотношением ее потребительских запросов и ее рабочих рук. Благодаря этому самое понимание выгоды в трудовом хозяйстве отличается от понимания ее в хозяйстве капиталистическом...“

Поскольку потребности семьи не погашены, и субъективное значение их удовлетворения оценивается выше тягостности необходимых для этого трудовых усилий, трудовое хозяйство будет работать и при пониженной оплате труда, говоря иначе — в условиях явно убыточных для капиталистического хозяйства“²⁾.

¹⁾ А. Н. Челинцев. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков 1919. Стр. 6.

²⁾ А. Чаянов. Природа крестьянского хозяйства и семейный режим. „Вестник М. О. С. Х.“ № 1—2, за 1918 г.

Осторожнее, но и запутаннее в своих формулировках Н. П. Макаров. С одной стороны он признает, что те, кто рисует крестьянское хозяйство, как товарное, „весьма нередко глубоко правы и не ошибаются перед лицом жизни... Изучение фактов приводит нас к утверждению, что не всегда крестьянское хозяйство живет потребительным принципом; когда объективные условия (владения или рынка) позволяют, хозяйство забывает о потребительном принципе“¹⁾. Эту уступку Макаров принужден сделать перед „лицом жизни“ и „изучением фактов“. Но тут же начинается ряд ограничений. Благоприятные условия для накопления „крайне редко мыслимы“, семья и потребление „вот два начальных понятия“ крестьянского хозяйства, иные „чужеродные“ „мотивы и инстинкты не находят там достаточных поводов для своего развития“ и т. д. и т. д. В конце концов и Макаров приходит к выводу, что потребление является „главной основной руководящей идеей в крестьянском хозяйстве“, и что, в „результате своих исканий, русская экономическая мысль пришла к синтезированному пониманию потребительно-трудового семейного хозяйства, в котором между потреблением и трудом есть взаимная, неразрывная, внутренняя связь“²⁾.

Мы выбрали далеко не самые красочные и манерные формулировки фанатиков крестьянского хозяйства. Но если отбросить цветы красноречия и освободиться от гипноза привычной фразеологии, то следующие пять тезисов проф. А. А. Мануилова³⁾ хорошо передают сущность теории.

„1) Крестьянское хозяйство есть хозяйство потребительского типа, пользующееся для обработки земли трудом своих членов.

2) Труд в таком хозяйстве не расценивается по обычному уровню заработной платы наемных рабочих и поэтому не входит в счет издержек производства.

3) Так как главная цель такого хозяйства удовлетворение собственных потребностей, то выгода его, т. е. доходность определяется не чистым доходом, получающимся

¹⁾ Н. Макаров. Цит. соч., стр. 70.

²⁾ Н. Макаров. Цит. соч., стр. 76 и 78.

³⁾ А. Мануилов. Аграрные догмы и фантазии. Рукопись.

за вычетом из валового дохода издержек производства, а валовым доходом или количеством произведенных продуктов.

4) Так как трудовое хозяйство не считается с уровнем цен на его продукты, а исключительно с собственными потребностями, то в зависимости от увеличения числа своих членов оно повышает свою интенсивность и вместе с тем количество производимых им продуктов, хотя бы цены последних и не окупали издержек производства по методу учета, принятому в капиталистическом хозяйстве.

5) Таким образом, интенсификация трудового хозяйства совершается под непосредственным давлением роста населения, и поэтому трудоемкость зависит не от уровня рыночных цен на продукты, а от потребности населения найти поприще для приложения своего труда. Отсюда способность трудового хозяйства открывать наиболее широкое поприще для приложения труда, т. е. обнаруживать максимальную трудоемкость.

Из пяти пунктов проф. Мануилов считает два основными: „это, во 1-х, независимость трудового хозяйства от рыночных цен на продукты и, во 2-х, непринятие в расчет, при определении доходности, расценки труда по уровню заработной платы“.

Трудово-потребительная теория крестьянского хозяйства внешним образом сложна и запутана. Она принадлежит к числу тех неопределенных и сложных учений, в основу которых положены полуправды и неполная правда. В процессе защиты этих не бесспорных, но и не абсолютно неверных положений теория обрастает оговорками, увертками и пыльным орнаментом цветистой фразеологии. Чтобы подвергнуть научному анализу такую теорию, нужно прежде всего очистить ее от ненужной скорлупы, лишить словесных украшений, упростить, стилизовать. Нужно найти центральный пункт, из которого вытекают все остальные положения теории. Такой осью, вокруг которой вращается народническая система, мы считаем гипотезу трудово-потребительного баланса.

Единственный стимул к труду в крестьянском хозяйстве, гласит теория баланса, — это удовлетворение личных потребностей. Уровень этих потребностей, „прожиточный минимум“, по терминологии проф. Челинцева, есть величина

постоянная и более или менее неизменная. Умноженная на число едоков она дает сумму дохода, необходимого для „прокорма“ хозяина и его семьи. Пока этот доход не получен, хозяйство готово идти на какие угодно жертвы, когда он достигнут, — нет больше стимулов к дальнейшему расширению производства, хотя бы оно и было экономически выгодным. „В каждый данный момент, — говорит Челинцев, — можно констатировать пределы этой самоэксплуатации, дальше коих крестьянское хозяйство не хочет идти“¹⁾. (Курсив автора). Именно не может, а не хочет.

„Если крестьянин и его семья сыты, — вторит Чайнов, — то хозяин не позарится на такое занятие, которое дает весьма высокую оплату труда, значительно превышающую заработные платы“²⁾. Цель хозяйства достигнута, и нет поводов к дальнейшей самоэксплуатации семьи. За то и обратно. Если „запросы потребления“ неудовлетворены, „по нужде“ крестьянин возьмется и за работы с нищенской оплатой затрат. „В поисках за приложением труда, — говорит тот же Чайнов, — хозяйство часто не останавливается перед очень низкой оценкой труда и считает для себя применимым даже такие хозяйственные занятия, которые при расчете карандашом на бумаге и при оценке семьи по обычным заработным платам, не только не приносят никакой пользы, но дают как будто бы несомненный убыток“³⁾.

Словом, мысль ясна. Между запросами потребления семьи, как целью, и трудовыми запросами, как средством, устанавливается своего рода подвижное равновесие, которое и определяет весь строй и смысл крестьянского хозяйства.

Из этого основного положения вытекают все теоретические и практические построения неонародничества.

Ближайшим следствием трудово-потребительного баланса

¹⁾ Проф. А. Н. Челинцев. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков 1919 г., стр. 126.

²⁾ А. Чайнов. Организация северного крестьянского хозяйства, стр. 33.

³⁾ А. Чайнов, цит. соч. стр. 33. Та же мысль и буквально в тех же выражениях повторяется в других произведениях того же автора, напр. в „Основных идеях“, стр. 33—5. Староб. бюдж. и др. Тут же противоположные заявления об „отсутствии бытового уровня благосостояния“ и о „резком повышении бюджета „едока“ при улучшении производственных условий“. „Бюдж. кр. Староб. у.“, стр. 19.

является особый способ вычисления доходности в крестьянском хозяйстве. Стоимость собственного труда, как мы видели, не заносится в пассив хозяйственного баланса. При прочих равных условиях издержки производства крестьянина всегда ниже, чем в хозяйстве с правильным счетоводством. Это и есть главное орудие борьбы в руках крестьянского хозяйства. В этом причина его огромной устойчивости и сопротивляемости, это и меч, направленный против крупного землевладения. При помощи этого оружия происходит мирное перераспределение земельной собственности и вытеснение крупного хозяйства мелким. Я не буду повторять хорошо известных цифр. Важно отметить, что, действительно, одного учения о технических и организационных преимуществах крестьянского хозяйства и семейной кооперации было бы недостаточно для объяснения силы и глубины происходящих процессов. Народники раскрыли механизм экономического вытеснения крупного хозяйства мелким.

Но для того, чтобы этот механизм пришел в действие, нужно какое-то дополнительное условие. Сама по себе теория трудово-потребительного баланса есть теория равновесия. Представим себе ограниченное число хозяйствующих субъектов, наделенных трудово-потребительской психологией и населяющих страну с неограниченным земельным простором. Как только установится баланс между запросами потребления и выручкой, дальнейшее использование труда прекратится, а так как для всех вновь нарождающихся членов семьи земли достаточно, чтобы организовать свое хозяйство по примеру отцов, то сельское хозяйство такой страны будет носить все черты застоя и окаменелости. Роль рычага, выводящего из равновесия систему организационно-производственных теоретиков, играет размножение населения, обгоняющее прирост материальных средств производства.

Размножению населения, как основному фактору сельскохозяйственной эволюции, отводится центральное место во всех народнических схемах. Огановский, Чаянов и Челинцев признают влияние этого фактора откровенно, Макаров с некоторыми неудачными оговорками. Принципиально отка-

зываясь „от монизма в вопросе об условиях эволюции“¹⁾, он устанавливает в то же время разную степень „инициативности“ или пассивности факторов эволюции. И конечно, на первом наиболее „инициативном“ месте, оказывается все то же „стихийное уплотнение населения“, которое всегда гипнотизировало мысль народников. Критикуя увлечение марксистов „рыночными“ условиями эволюции, Макаров не забывает подчеркнуть, что „организация хозяйства сама внутри себя носит те условия, которые безостановочно давят и заставляют хозяйство эволюционировать“. Численность семьи — это „самая сердцевина крестьянского хозяйства“, это как раз тот фактор, который самостоятельно безостановочно изменяется, и в итоге „обычно выражается в росте плотности населения“²⁾.

Схема народников, вместе с их „молчаливыми предпосылками“ такова: размножение населения происходит быстрее, чем прирост культурной площади, промышленность не успевает поглощать избыточного населения. Необходимость прокормить большую сумму ртов с одной и той же площади — вот основной смысл происходящих на земле экономических процессов.

Какие же черты приобретает при этом сельскохозяйственная эволюция?

Стихийное уплотнение населения ведет прежде всего к распылению землепользования. По расчету на голову населения каждое следующее остающееся на земле поколение располагает все меньшим и меньшим количеством земли по сравнению с предыдущим. При прежних способах хозяйства доход каждого должен был бы понизиться. Сохранить его в прежних размерах простым изменением системы хозяйства невозможно, благодаря непрерывному действию так наз. закона убывающего плодородия. Каждая следующая затрата труда и капитала будет менее выгодна, чем предыдущая. Хозяйство может оказаться просто нерациональным на измельчавшей площади. Но тут-то и выплывает на сцену идея трудово-потребительного баланса. „Запросы потребления“ в крестьянском хозяйстве так настойчивы, а запас

¹⁾ Н. Макаров, цит. соч., стр. 159.

²⁾ Н. Макаров, цит. соч., стр. 130—1.

рабочей силы так велики, что оно может не считаться с падением производительности труда и капитала на уменьшающейся площади. Усиливая степень „самозэксплуатации“, оно идет навстречу стихийному уплотнению населения и парализует его вредные влияния.

Это происходит путем изменения системы хозяйства и перехода от экстенсивных к интенсивным способам эксплуатации земли. Напомним, что мерой интенсивности служит количество затраченного капитала и в особенности труда на единицу площади. Имеется ввиду таким образом чисто количественное, а не ценностное содержание понятия.

Увеличение затрат на единицу площади равносильно увеличению валового продукта с той же меры поверхности. Какова при этом будет рентабельность единицы затраченного труда или капитала для наших теоретиков не интересно. Им важно показать, что крестьянское хозяйство легче всякого другого идет на увеличение затрат, интересуясь валовым, а не чистым продуктом своего производства. Таким путем достигаются сразу две цели. Для индивидуального крестьянского хозяйства увеличение интенсивности есть верный способ противодействовать измелчанию землепользования, соблабности пресловутой балансе потребления. С народно-хозяйственной точки зрения только крестьянское хозяйство может так быстро идти по пути увеличения валового продукта, чтобы прокормить растущую массу населения. Только оно может без остатка поглощать избыточное население, не помещающееся в промышленности, и только оно избавляет страну от ужасов физического голода и безработицы.

Неудивительно поэтому, что в устах народников всех оттенков интенсификация крестьянского хозяйства объявляется равноценной сельскохозяйственному и даже народно-хозяйственному прогрессу. Сущее идет навстречу должному, понятия эволюции и прогресса перемешиваются и сливаются.

Каков же предел эволюционной схемы народников? Согласно точному смыслу их теории скала интенсивности не кончается крестьянским хозяйством вообще. Чем мельче хозяйство, тем оно должно быть интенсивнее во имя трудово-потребительского баланса. Для увеличения валового продукта оно будет идти по пути все большей затраты или

растраты средств производства, отказываясь постепенно от ренты, прибыли и все большей части нормальной заработной платы. Пределом измелчания хозяйств при данном уровне техники будет заселение страны исключительно потребительными хозяйствами, не дающими никакого излишка продуктов сверх удовлетворения обычных потребностей. При равенстве этих потребностей и большой однородности среды мы приходим к идее равенства доходов, а если доход земледельца в первую голову зависит от количества имеющейся у него земли, то и к идее уравнительного землепользования. Так логически перебрасывается мост от теории к политике.

Обычно представители организационно-производственной или трудово-потребительской теории не идут так далеко и не считают себя социалистами. Напротив, часто они не прочь полиберальничать и вспомнить о буржуазных элементах крестьянского хозяйства. Но их идейная близость с социалистами-народниками от этого не становится меньшей. Напомним только труды Главного Земельного Комитета Временного Правительства, где организационно-производственная „группа“ так легко и просто нашла общий язык с партией Виктора Чернова.

На этом закончим изложение трудово-потребительской теории крестьянского хозяйства и перейдем к ее критике.

4. Основная ошибка трудово-потребительской теории.

Основная ошибка господствующей теории заключается в неправильном представлении о природе крестьянского хозяйства. Последнее изображается одновременно как потребительная или как трудовая организация. Обе эти характеристики односторонни и не вскрывают движущих пружин крестьянского хозяйства.

Наименование крестьянского хозяйства потребителем вообще двусмысленно или лишено всякого смысла. Потребителем с известной точки зрения может быть названо и хозяйство миллионера-фабриканта, если все свои доходы от фабрики он тратит на удовлетворение личных потребностей. Потребителем крестьянское хозяйство называется, очевидно, не в буквальном, а переносном смысле.

Поскольку „запросы потребления“ признаются руководящей идеей крестьянского хозяйства, оно сближается с понятием домашнего хозяйства. Организация потребления — это как раз главная и единственная цель домашнего хозяйства или домоводства.

Но крестьянское хозяйство не домоводство; оно прежде всего хозяйство. Отличительной же чертой всякого хозяйства является идея приобретения, а не потребления. Немецкая терминология хорошо различает эти два понятия, отделяя „Erwerbswirtschaft“ или „приобретательское хозяйство“ от „Haushalt“ или „домоводства“. Хотя по-русски с понятием „приобретательского“ связан целый ряд „однозначных“ ассоциаций, мы не находим лучшего термина, чтобы охарактеризовать природу крестьянского хозяйства и отграничить его от домоводства.

Верховным понятием всякого хозяйства, говорит Струве, является „приобретение“, предполагающее процесс оценки и понятие ценности¹⁾. Определение хозяйства не может быть построено без понятия приобретения. Всякое хозяйство предполагает известные затраты материальных и личных элементов и выручку в форме какого-то продукта. Под затратами и выручкой разные субъекты хозяйства могут подразумевать совершенно различные вещи (крестьянское и капиталистическое хозяйства!), но и те и другие должны быть соизмеримы в цене, и всякое хозяйство должно быть рассчитано на получение положительной ценностной разницы между ними²⁾.

¹⁾ П. Струве Хозяйство и цена. Ч. 2, гл. 1. Проблема производства.

²⁾ Подобно Струве подчеркивает важность ценностного момента для понятия хозяйства один из виднейших немецких теоретиков R. Liefmann. Важнейшие заблуждения политической экономии он относит за счет смешения техники и экономики. „Нужно различать, говорит он, хозяйственную и техническую деятельность, равным образом нужно различать от хозяйственной выручки (Ertrag) хозяйственной деятельности техническую выручку производства. Последняя состоит из продуктов, первая из благ. Делаются ли продукты благами, — зависит от оценок потребителей. Возникают ли при использовании средств производства продукты, — зависит от сил природы и целесообразного применения их человеком. Хозяйственная выручка имеет единственный причинный источник — субъективные ценностные представления человека. Техническая выручка — лучше говорить здесь о продукте (Erzeugniss) — восходит причинно к силам природы“.

Ближайшей целью всякого приобретательского хозяйства должно быть получение возможно большей разницы между затратами и выручкой. Дальнейшее назначение полученного дохода сравнительно безразлично, он может пойти и на потребление, он может послужить и для расширения производства. Хозяйство всегда имеет характер средства, а не цели. Его непосредственная задача кончается получением дохода, которому затем уже в зависимости от разных причин может быть дано то или иное назначение.

В этом пункте как раз должна быть проведена глубокая и принципиальная грань между природой дохода рабочего и крестьянина. Рабочий действительно ведет только домашнее хозяйство, „запросы потребления“ имеют решающее значение для степени его „самоэксплуатации“. С другой стороны получение дохода не связано у него ни с затратами материальных ценностей, ни с выручкой от цены изготовленного продукта. Стало быть, рабочий вовсе не ведет приобретательского хозяйства в строгом смысле этого слова. Его доход составляет не более как актив домоводственного баланса.

Совершенно иную картину представляет крестьянское хозяйство. Его сущность заключается в затрате материальных и личных факторов с тем, чтобы в конце концов владелец хозяйства оказался обладателем возросшей суммы материальных ценностей. Доход крестьянина есть результат определенного соотношения цен, хотя бы внешним образом он и рассматривался как оплата собственного труда¹⁾.

R. Liefmann. Ertrag und Einkommen auf der Grundlage einer subjektiven Wertlehre. 1907, стр. 46. Ср. также Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, того же автора, 2-е изд. 1920, часть 4: Das Wesen des wirtschaftlichen.

¹⁾ „Мелкий земледелец, говорит В. Ильин в одной из последних своих научных работ, при капитализме становится, хочет он этого или нет, замечает ли он это или нет — товаропроизводителем. И в этом изменении вся суть дела. Одно это изменение, даже когда он еще не эксплуатирует наемных рабочих, все равно делает его антагонистом пролетариата, делает его мелким буржуа. Он продает свой продукт, пролетарий продает свою рабочую силу. Мелкие земледельцы не могут не стремиться к повышению цен на сельскохозяйственные продукты... Мелкий земледелец, по своему классовому положению, становится неизбежно, по мере развития товарного производства мелким аграрием“. В. Ильин (Н. Ленин). Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Петроград, 1918, стр. 97.

Итак, в крестьянском хозяйстве необходимо различать две самостоятельные части: приобретательство и домоводство, т. е. части, которые имеются в любом так называемом капиталистическом хозяйстве, и которые там, по крайней мере, никому не приходит в голову сливать в единый трудово-потребительный баланс. Правда, в крестьянском хозяйстве домоводство и приобретательство соединены теснее, чем где бы то ни было: во 1) на домоводство идет преобладающая часть выручки хозяйства, и во 2) большая часть продуктов, потребляемых семьей в домоводстве доставляется в натуре из этого же приобретательского хозяйства. Но натуральный оборот ценностей есть признак характерный для земледельческого хозяйства вообще, а отсутствие больших остатков за удовлетворением личных потребностей семьи (если бы даже это было доказано) свидетельствует только об абсолютно низких размерах выручки от хозяйства, но ничего не говорит в пользу потребительного строения крестьянского хозяйства. Признавая потребительную идею руководящим принципом крестьянского хозяйства, народники неправильно сближают его с домоводством чистого потребителя, хотя на словах и стараются всячески отделить крестьянина от наемного рабочего.

Не менее двусмысленна и трудовая характеристика крестьянского хозяйства. Очевидно, что мы не можем ее принимать в прямом и формальном значении. Хозяйство современного подмосковного огородника, всемерно использующего голодный под'ем цен на свои произведения, очень мало напоминает романтическую фигуру народнического героя. А между тем с формальной стороны его хозяйство ведется исключительно „семейным трудом“ и не содержит ни атома „прибавочного“ рабочего времени. С другой стороны и сами народники великодушно прощают мелкому хозяйству использование 1—2 наемных рабочих сил и не исключают его за это из категории „трудового“ крестьянства.

Очевидно, этот эпитет содержит какой то иной, внутренний смысл, замаскированный примелькавшейся терминологией. „Положения, замечает Парето ¹⁾, один из остроумнейших

французских экономистов и критиков социализма, положения, которые грешат недостатком логики или наблюдений, принимаются только благодаря ассоциации идей, возбуждаемых их терминологией... Понятия, употребляемые в обычном языке, как правило, кроме основного значения сопровождаются еще вереницей добавочных представлений, в том числе и таких, которые предполагают одобрение или осуждение. Недурным приемом полемики является употребление в пользу доказуемого только таких терминов, которые ассоциируются с идеей одобрения.

Терминология народников рассчитана на подобный же психологический эффект. Твердя непрестанно о трудовом балансе, о роли семейного труда и самоэксплуатации, хотят внушить уверенность, что доход крестьянина есть нечто иное, как одна из форм заработной платы или трудового заработка. Вся аргументация проникнута страхом, как бы не заподозрили крестьянина в получении нетрудового дохода, какой-нибудь прибыли, или поземельной ренты.

Внутренний смысл трудовой характеристики крестьянского хозяйства заключается в признании труда единственным источником ценности и богатства, единственным фактором производства, заслуживающим вознаграждения. Все народнические схемы сознательно или бессознательно построены на трудовой теории ценности. Культ физического труда сквозит во всех панегириках крестьянскому хозяйству.

Суммируя сказанное, можно опять повторить, что наши теоретики забывают о ценностной проблеме в крестьянском хозяйстве. Они мыслят его слишком натуралистически, у них технический, а не ценностный аспект производства. Они много думают о производстве и забывают о цене. Думая же о производстве, они считают труд единым ценообразующим фактором и готовы вменить ему весь продукт, произведенный в крестьянском хозяйстве. Это все та же методологическая ориентация, которая отличает Маркса и его школу. Сами представители трудово-потребительной теории думают иначе. А. В. Чаянов цитирует Джемсона и экономистов-математиков. Н. П. Макаров склонен придавать символический смысл самому названию теории. В нем он видит синтез двух направлений экономической мысли, почти равноценный синтезу трудовой и психологической теории ценности в по-

¹⁾ W. Pareto. Les systemes socialistes. T. I, стр. 318 и 335.

строениях англо-американской школы. В понимании крестьянского хозяйства Макаров так и различает „субъективное“ направление, которое рассматривает крестьянское хозяйство как потребительное, и „объективное“, которое центр тяжести полагает в трудовом начале крестьянского хозяйства¹⁾. В другом месте он прямо говорит, что „только исторический психологизм Зомбарта и дедуктивный принципиальный психологизм австрийской и англо-американской школы раскрыли возможность нового подхода к крестьянскому хозяйству“. Вполне понятно желание всякой новой теории обзавестись модными родственниками. Однако, методологическая генеалогия организационно-производственной теории восходит к иным предкам. Народничество в его новой формации не может освободиться от традиций социалистической мысли и в частности от гипноза учения Маркса.

Обратимся теперь к критике центрального положения организационно-производственной группы экономистов, к теории трудово-потребительного баланса.

Недостаточность этой гипотезы для объяснения законов аграрной эволюции очевидна после сказанного о природе крестьянского хозяйства. Если земледельческое „семейное производство“ есть прежде всего хозяйство, а не кухня, то кроме „запросов потребления“ в нем могут быть и другие не менее сильные стимулы к производству.

Более того, теория баланса просто не приложима к современному денежному хозяйству. Она еще мыслима в рамках строго натурального хозяйства, где все потребности удовлетворяются исключительно продуктами своего труда, где силы природы и материя находятся в избытке, и где физическим исполнителем производственных заданий является сам потребитель, субъект хозяйства. При соблюдении перечисленных условий, издержки производства ощущаются, как отрицательная полезность или неприятность затрачиваемого труда, а выручка, как сумма удовольствия, получаемая от пользования готовыми продуктами труда. „Затрата и выручка“ оказываются соизмеримыми психологическими величинами, ибо они отражаются в голове одного и того же хо-

¹⁾ Н. Макаров. Цит. соч., стр. 61.

зяйствующего субъекта, взвешиваются на одних и тех же психологических весах. „Балансирование“ этих противоположных по своему значению величин может действительно предопределять организационно-производственный план крестьянского хозяйства.

На деле, однако, из трех упомянутых выше условий только третье имеется в настоящее время налицо. Как раньше, так и теперь крестьянин в огромном большинстве случаев соединяет в своей фигуре организатора и исполнителя. Зато ни раньше ни теперь материальные элементы земледельческого производства не были свободными благами. Сравнительная редкость и при том неодинаковая редкость основных средств земледельческого производства, начиная с самой земли и кончая живым инвентарем, делает капиталы крестьянского хозяйства такими же полноправными ценообразующими факторами, как и физический труд. Даже при натуральном строе крестьянин не может считать свой труд единственным элементом издержек. К числу последних он отнесет и сравнительный расход полезной площади и затраты рабочей силы скота и изнашивание мертвого инвентаря. Но если рядом с затратами труда в хозяйственных расчетах земледельца фигурируют материальные издержки, то тем самым осложняется вопрос о соизмерении затрат и выручки. Только ощущения от труда и удовлетворения потребностей могут быть соизмеримыми психологическими величинами. Учет материальных затрат требует иного объективного мерила ценности, и то же самое мерило ценности должно теперь измерять и другой род издержек, труд и выручку во всем ее вещном разнообразии. Психологические веса не могут теперь служить для хозяйственных расчетов и определения выгодности организационного плана хозяйства.

Наконец, и первое условие возможности трудово-потребительной характеристики крестьянского хозяйства в настоящее время не существует. Баланс труда и потребностей мыслим только в форме соизмерения и противопоставления определенных психических величин. Такое соизмерение осуществимо исключительно в рамках замкнутого натурального хозяйства, где единственной формой спроса на продукты сельского хозяйства является уровень и состав потребностей самих хозяйствующих субъектов. В настоящее время между

потреблением и производством включивается процесс обмена. В самых отдаленных и глухих углах России крестьянское хозяйство связано с рынком многочисленными и многообразными отношениями¹⁾. По бюджетным исследованиям 1900-х годов мера рыночности крестьянского хозяйства, т. е. доля отчуждаемого им на рынке продукта, составляет не менее 35—60% валовой продукции хозяйства. Развитие меновых отношений и денежного хозяйства приводит к тому, что не только физически отчуждаемая доля производства, но и все остальные продукты своего хозяйства начинают расцениваться на деньги. Все материальные блага, завязанные в процессе земледельческого производства приобретают рыночную цену, и хозяйствующий субъект, крестьянин, участвует расценивать их, выражаясь в терминах австрийской школы, не по непосредственному их потребительному значению, а по их „субъективной меновой ценности“ или покупательной силе.

При таких условиях не может быть и речи о непосредственном балансировании in natura потребностей и трудовых усилий. Между производством и потреблением выступает промежуточная категория дохода, мало по малу заслоняющая конечные цели хозяйства и приобретающая самостоятельное значение. Пусть в конечном счете крестьянин думает только о потреблении, его ближайшей и конкретной целью будет всегда получение максимального дохода, создание продукта, имеющего максимальную рыночную ценность. Не „запросы потребления“ руководят действиями крестьянина, а стремление к получению максимального дохода определяет строение его хозяйства и план его хозяйственной деятельности.

Трудово-потребительная теория крестьянского хозяйства есть запоздавшее отображение давно изжитого натурально-хозяйственного строя. В народном хозяйстве менового типа она приложима только к остаткам натурально-хозяйственных отношений и может служить объяснением только для экономических явлений атактистического порядка.

¹⁾ Речь идет, понятно, о до-революционных временах. За последние годы крестьянское хозяйство резко натурализировалось.

5. Эмпирические аргументы трудово-потребительной теории.

Внутренней слабости теории баланса отвечает необоснованность приводимых в ее пользу ~~идеальных~~ доказательств. Наиболее распространенными можно считать следующие 4 доказательства, взятые по преимуществу из данных бюджетных исследований.

Во 1-х, известный факт параллелизма статистических рядов, изображающих нарастание крестьянской семьи и материальных факторов производства (земли, скота и инвентаря) толкуется в том смысле, что именно запросы растущего потребления заставляют крестьянина увеличивать свое хозяйство. „Хозяйство крестьянской семьи, говорит Чаянов, всецело определяется нуждами и силами самой семьи“. Рабочие руки являются здесь „единственным источником дохода и главным. Поля же, скот и орудия набираются уже в зависимости“ от этого определяющего фактора¹⁾.

Во 2-х, если запросы потребления являются единственным стимулом к труду, то напряженность и количество затраченного в хозяйстве труда должны возрастать по мере обременения работников не трудоспособными членами семьи. Это положение иллюстрируется статистически следующим образом.

По Старобельскому уезду при возрастании обремененности рабочих сил едоками (отношение е:р) личный бюджет едока остается приблизительно на одном и том же уровне, годовая же „продукция“ работника неизменно возрастает. „Работник“ напрягает свои силы, чтобы прокормить по прежней норме „едока“. В самом деле:²⁾

При обремененности 1 работника едоками					
	1.00—1.15	1.15—1.30	1.31—1.45	1.46—1.60	св. 1.61
Бюджет едока составляет руб. . .	67.3	73.7	87.5	85.2	81.7
Продукция работника	68.1	99.0	118.3	123.9	156.4

¹⁾ А. Чаянов. Орган. сев. кр. хоз., стр. 19.

²⁾ А. Чаянов. Бюджеты крест. староб. у., стр. 16.

Подобным же образом для Тамбовской губернии Челинцев находит, что напряжение рабочих сил крестьянской семьи, измеряемое количеством затраченных дней, возрастает по мере увеличения обремененности тех же работников едоками ¹⁾.

При обремененности 1 рабочего едоками

	1.00—1.15	1.15—1.30	1.30—1.45	1.45—1.60	1.60—1.90	св.
Число рабоч. дней в году составляет на 1 работн.	(120.8)	98.3	105.8	115.2	119.2	149.9

3) Третье доказательство непосредственно вытекает из предыдущих. Если семья определяет размеры хозяйства, и если „продукция“ работника увеличивается только под давлением ухудшающегося отношения е:р, то доход крестьянского хозяйства, разделенный на число членов семьи должен дать более или менее одинаковую величину. Постоянство личного бюджета едока в хозяйстве разной величины и разного семейного состава теоретики баланса считают нужным подчеркнуть при всяком удобном случае. Цифровой пример „постоянства“ личного бюджета едока Старобельского у. мы уже привели выше.

4) Наконец, одним из наиболее простых и прямых доказательств потребительской природы крестьянского хозяйства считается отсутствие свободных излишков в валовом доходе, за вычетом хозяйственных расходов и личного потребления. „В трудовом крестьянском хозяйстве, говорит Челинцев, размеры потребления семьи, измеряемые суммой потребляемых благ, в общем равны всему чистому заработку семьи. Это явствует... и из теоретического представления о природе трудового хозяйства, а также из эмпирически данных бюджетных исследований“ ²⁾.

Все эти аргументы настолько слабы, что опровергнуть их нетрудно немногими замечаниями и несколькими цифрами, заимствованными из трудов тех же авторов. Кстати, лишь раз можно будет убедиться, что безпристрастный язык цифр имеет повидимому несколько весьма между собой несходных наречий.

Роль семьи в жизни крестьянского хозяйства бесспорна,

¹⁾ А. Н. Челинцев. Теорет. основания и т. д., стр. 126.

²⁾ А. Н. Челинцев. Теорет. основания и т. д., стр. 161.

но она далеко не занимает того места, какое отводят ей народники. У Чаянова на стр. 10 его Старобельских бюджетов приведена табличка, показывающая, что семья и размеры хозяйства увеличиваются параллельно, но, тогда как семья возрастает в крайних группах в пропорции 1:26, посевная площадь хозяйства увеличивается в отношении 1:13. Сам автор считает нужным подчеркнуть, что „ряд посевной площади развивается значительно энергичнее ряда размеров семьи“. Это не мешает ему, как мы видели, считать семью „единственным“ фактором, определяющим размеры хозяйства.

Совершенно верно, что между „рядами“ семьи и размеров хозяйства есть не только параллелизм, но и причинная зависимость. Но почему велел за народниками мы должны считать семью причиной, а размеры хозяйства следствием, остается абсолютно темным. С таким же, а, может быть, и еще большим правом мы можем предположить обратное, что рост хозяйства и благосостояния позволяют крестьянину содержать большую семью. Для некультурных стран, где размножению населения нет иных пределов, кроме физической возможности содержать семью, отмеченная зависимость будет вполне естественным явлением.

С другой стороны, из того, что мелкие хозяйства обычно и малосемейны, а крупные наоборот — отнюдь не следует, что всякое мелкое хозяйство есть начинающее или умирающее, а всякое крупное — выросшее из мелкого или готовящееся к распаду на мелкие. Для того, чтобы выделить роль семьи в таком сложном комплексе элементов, каким является крестьянское хозяйство, нужны более тонкие методы анализа. Динамические исследования А. П. Хрящевой, о которых я буду говорить ниже, обнаруживают гораздо более сложное течение органических процессов в крестьянском хозяйстве, чем в изображении теории трудово-потребительного баланса.

Таблицы Чаянова и Челинцева о нарастании затрат труда по мере обременения его едоками также вызывают ряд сомнений.

Мы не знаем, например, не включены ли промыслы в счет рабочих дней у Челинцева и в какой пропорции в каждой группе. Хозяйство в северной, средней и южной полосах Тамбовской губ. настолько различно, что во всех других случаях Челинцев не решается давать погубернских

средних. Здесь эти средние приводятся, хотя они как раз и затемняют то, что подлежит выяснению.

Цифры Челинцева ничего не говорят о характере и типе организации хозяйства в группах по едокам. Мы не знаем даже, какова средняя величина хозяйства и дохода в каждой группе. Если бы, например, предположить, что хозяйства более других обремененные едоками в то же самое время и крупнее других (а это так и есть), то увеличение „самозащиты“ работника может быть объяснено и совершенно иначе. Просто с увеличением хозяйства расширяется возможность рационального приложения труда и пропадшее даром время становится выгодным тратить в своем хозяйстве. Крестьянин теряет значительную часть времени не потому, что он „не хочет“ работать, как думает Челинцев, а потому, что в большинстве случаев ему „не стоит“ трудиться.

Еще менее убедительны цифры Чаянова. На странице 18 Староб. бюджетов приведены, как мы знаем, „наглядные результаты“ увеличения „продукции работника“ с 68 руб. до 156.4 р. по мере увеличения обремененности едоками, но на той же странице помещена другая табличка, где „продукция работника“ поставлена в зависимость от двух факторов: обремененности едоками и размеров посевной площади.

Величина годовой „продукции“ работника.

Отношение е:р		1.0—1.30	1.31—1.60	св. 1.61
Посевная группа	0.0—2.0 дес.	74.4	106.3	107.8
	2.1—3.0 „	103.5	125.8	136.5
	3.1 и выше	105.1	128.6	175.8

Оказывается, что увеличение благосостояния хозяйства, грубым показателем которого служит посевная площадь, влияет не менее сильно, чем отношение е:р. Если выделить группу хозяйств с посевом не свыше 2 дес., то „продукция работника“ в зависимости от увеличения отношения е:р возрастает с 76.1 до 107.8 рубля. А если взять группу хозяйств с лимитированным отношением е:р, равным 1.0—1.3, то та же „продукция“, но уже в зависимости от экономического фактора, поднимется с 76,4 до 105,1 руб., т. е. почти в той же мере, как и в предыдущем случае. Кстати сказать, понятие „продукции“ у Чаянова, если судить по одному подстрочному примечанию, как будто исключает со счета чистый остаток хозяй-

ства и принимает во внимание только ту часть дохода, которая идет на удовлетворение потребностей семьи. Это, конечно, не полное содержание понятия „продукции“, но оно льет воду на мельницу трудово-потребительной теории.

Во всяком случае приведенные цифры показывают одинаково мощное влияние на „продукцию“ и запросов потребления и размеров хозяйства. Сам Чаянов вынужден признать влияние обоих анализируемых факторов ¹⁾. Это не мешает ему во введении к тем же Староб. бюджетам п на основе тех же цифр говорить о „подавляющем влиянии запросов потребления на размер годовой продукции работника“ ²⁾.

Третье доказательство теории баланса, постоянство личного бюджета в крестьянском хозяйстве уже абсолютно неубедительно. Если защитникам теории и удастся иногда получить устойчивые цифры, то только благодаря группировке по каким-либо нейтральным признакам, вроде обремененности работников едоками. Ниже мы приводим собственный опыт группировки данных по Костромской губ., в зависимости от двух признаков: величины дохода на хозяйство и количества едоков в нем.

Личный бюджет на 1 едока в рублях.

Число едоков	2.0—3.9	4.0—5.9	6.0—7.9	8.0 и выше	Среднее	Число
	Число	Число	Число	Число	Число	Число
до 500 р.	83.5	59.7	45.3	—	67.0	11
500—750 р.	152.5	78.1	60.6	55.8	85.2	27
750—1000 р.	181.5	102.2	73.1	65.8	98.9	31
1000—1200 р.	—	131.9	84.7	66.3	94.9	17
св. 1250 р. (106.5)	—	214.2	127.6	75.6	122.0	16
среднее	134.4	102.9	79.1	68.5	95.0	—
число бюдж.	13	47	22	20	—	102

При семье в 4.0—5.9 потребительных единиц личный бюджет возрастает в зависимости от дохода от 59.7 до 214.2 руб., а при доходе от 750—1000 руб. в зависимости от размеров семьи падает от 181.5 до 65.8 руб.

Оба фактора, и семья и благосостояние, оказывают на личное потребление крестьянина такое же сильное влияние, как и в бюджете городского рабочего, и при том в тех же направлениях. Увеличение семьи понижает потребление, а рост дохода его увеличивает. Единственно чем можно отде-

¹⁾ А. Чаянов. Бюджеты крестьян Староб. у. Харьков, 1915, стр. 18.

²⁾ А. Чаянов. Опыт разработки бюдж. данных по 101 хоз. Староб. у. Харьк. губ. Т. 1. Введение. История бюдж. исследований. М. 1915, стр. 94.

литель крестьянский бюджет от рабочего, так это тем, что в последнем амплитуда колебаний еще шире. Под комбинируемым влиянием дохода и семьи личный бюджет костромского крестьянина колеблется между 45 и 214 рублями, т. е. изменяется максимум в 5 раз, личный же бюджет американского рабочего под влиянием тех же факторов колеблется в 10 раз¹⁾. Впрочем, скала рабочих доходов, захваченных американским исследованием, гораздо шире, чем амплитуда колебаний доходов костромских крестьян.

Но сделаем уступку народникам. Признаем вопрос фактом. Допустим, что личный бюджет крестьянина представляет собой устойчивую величину, не реагирующую ни на размеры семьи, ни на доход хозяйства. Было бы ли это свидетельством в пользу теории баланса? Только в том случае, если крестьянское хозяйство действительно не дает и не имеет никаких излишков. В самом деле. Предположим, пользуясь терминологией Челинцева, случай „ненормального скопидомства“. Крестьянин удовлетворяет все свои потребности согласно требованиям „прожиточного минимума“, а затем получает еще какой-то чистый остаток. Если он дорожит этим остатком, стремится к нему и не жалеет сил, чтобы получить его, то, очевидно, в своих хозяйственных расчетах он руководится еще и иным каким-то принципом кроме запросов потребления. Устойчивость этих запросов у многосемейных и бездетных, богатых и бедных означала бы только однообразие потребностей и низкий уровень крестьянского быта.

Мы подошли таким образом к четвертому и последнему аргументу трудовой теории: крестьянин получает только заработную плату и никаких излишков не имеет.

Верно ли это утверждение? И да и нет. Все зависит от того, что понимать под доходностью крестьянского хозяйства и к какой единице сравнения ее отнести.

Вычисление чистой доходности земледельческого предприятия даже капиталистического типа является спорной и сложной задачей благодаря присутствию в балансе натуральных частей и нерыночных продуктов. Чистая доход-

¹⁾ Ср. Eighteenth annual Report of the Commissioner of Labour. N. York 1903, табл. на стр. 582—3.

ность крестьянского хозяйства будет еще более фиктивной величиной благодаря тому, что в разряде нерыночных продуктов оказывается весь труд семьи. Наиболее реальным способом вычисления дохода для крестьянского хозяйства было бы вычитание из валовой выручки хозяйства, натурой и деньгами, материальных хозяйственных расходов тоже натурой и деньгами. В отличие от обычного способа вычисления доходности здесь не принимается во внимание стоимость собственной рабочей силы и амортизация капиталов. Этим способом определения доходности широко пользуются и теоретики трудово-потребительного баланса, называя его способом определения „условно-чистой доходности“ хозяйства.

Пока против этого ничего нельзя возразить. Недоразумения начинаются с выбором масштаба отнесения. Любимым способом измерения доходности сельского хозяйства является отнесение ее к единице площади. Этим грешит не только русская литература, но и иностранная. Здесь не место отыскания корней установившейся традиции. Имеет значение, вероятно, классическая школа политической экономии с ее „триадой“ факторов и „техническим аспектом“ производства, но главное на пути измерения производительности хозяйства производительностью единицы площади толкает все то же народническое представление о „механизме“ эволюции, о котором мы говорили выше. Стихийное размножение изображается, как инициативный фактор эволюции, и задача государства усматривается в справедливом „прокормлении“ растущего населения.

С этой точки зрения приобретает особое значение количество валового продукта, получаемого на единицу площади, и хозяйство, дающее максимум валовой выручки, по этому масштабу считается образцом производительности и прогресса¹⁾. Совершенно очевидно, однако, что измерение доходности земледельческого предприятия по отношению к единице поверхности так же неправильно, как определение доходности фабрики по расчету на 1 вагон сырого материала или на 1 кв. сажень занимаемой площади. Земля с частнохозяйственной точки зрения такой же вид капитала, как и ма-

¹⁾ Ср. рассуждения Макарова об „особо важном значении“ расчетов на единицу площади. Цит. соч., стр. 87—8.

шины, сырье, семена и т. под. Наиболее правильным масштабом отнесения является 100 рублей затраченного капитала, включая в счет капиталов все их виды, в том числе и землю. Для крестьянского хозяйства масштаб отнесения может быть изменен. Земля обычно не входит в счет капиталов, — психологическое следствие неотчуждаемости наделного фонда, впрочем значительно уже поколебленное. Допустимым представляется поэтому исчисление дохода на 100 рублей хозяйственных затрат, деньгами и натурой вместе, или еще лучше на единицу занятой рабочей силы. Оба масштаба имеют реальное значение в жизни крестьянина и ближе всего подходят к практическим представлениям о доходности хозяйства.

Вопрос о масштабах измерения доходности не носит характера безобидного методологического спора. В зависимости от одной или другой группировки материала получаются совершенно иные выводы.

Русская литература, как я сказал, считает показателем доходности хозяйства величину условно-чистого дохода на единицу пашни, посева или удобной площади. Обычная группировка хозяйств по посевной площади может только еще более извратить результаты сопоставлений. Стоит только вспомнить о роли промысловых доходов в условиях северной и средней России. Промыслами занимаются не только „по нужде“, но и из-за выгоды и наличности свободных рабочих рук. В зависимости от удельного веса промысловых занятий, мелкое по размерам земельное обеспечение хозяйства может оказаться гораздо выгоднее крупного, по расчету на любую единицу, в том числе и на единицу площади. Если мы хотим определить сравнительную производительность отдельных хозяйств разной величины и для того будем группировать их сначала по размерам земельного обеспечения, а затем зачислять доходность на единицу площади в разных группах, то мы сделаем при этом двойную ошибку. Во 1-х, мы берем неверный показатель крупности хозяйства, ибо размер оборота материальных ценностей, а не протяженность одного из элементов определяет величину хозяйства, и, во 2-х, по изложенным уже мотивам, мы берем неверное мерило доходности хозяйства.

Утверждение представителей трудово-потребительной

теории, будто крестьянское хозяйство не дает излишков, основано на этой двойной методологической ошибке.

Правильная группировка материала дает совершенно иные результаты. Для примера приведу произведенные мною подсчеты для 102 хозяйств Костромской губ.

Ниже даются две группировки этих хозяйств: одна обычная, по размерам посева, и другая, предлагаемая мною, по величине „внутрихозяйственной ренты“. Под этим термином, вместе с П. Б. Струве, будем разумеать разницу между валовым доходом хозяйства и расходом на личное потребление. Хозяйствующая семья рассматривается при этом, как одна целая неделимая единица, оплата содержания которой является необходимым условием самого хозяйствования. С этой точки зрения величина „внутрихозяйственной ренты“ является хорошим показателем экономической мощности хозяйства. Хозяйства крупные по посевной площади или по какому-либо иному внешнему признаку благосостояния, но в действительности бедные вследствие перегруженности семьей дадут непропорционально большой вычет на личное потребление из валового дохода и попадут поэтому в низшие группы. В высших окажутся, действительно, одни состоятельные предприятия, оставляющие в течение года в руках своего хозяина более или менее значительные суммы материальных ценностей.

Относительные данные исчислены на 1 десятину посевной площади, на 100 рублей хозяйственных расходов и на 1 рабочую силу семьи.

а) Группировка по посеву:

Группы хозяйств по посеву.	Годовой доход.	Хозяйств. расход.	Условно-чистый доход.			Чистый остаток на 1 хоз.
			На 1 хоз.	На 1 дес.	На 1 раб. силу.	
до 1 дес. . .	554	424	130	393	43	—6
1—3 „ . . .	911	454	456	182	156	+77
3—4 „ . . .	950	494	456	134	131	+26
4—6 „ . . .	883	435	448	91	135	+31
св. 6 „ . . .	1476	588	888	95	206	+113

б) Группировка по внутрихозяйственной ренте:

Группы хозяйств по внутрихозяйственной ренте.	Вановой доход на 1 хоз.	Расход на хозяйств. потребл. на 1 хоз.	Условно-чистый доход.				Чистый остаток за вычетом личных и хоз. расходов на 1 хоз.
			На 1 хоз.	На 1 дес.	На 1 раб. силу.	На 100 руб. расхода	
до 100 руб. . . .	532	419	113	126	34	127	-37
100—200 руб. . .	597	365	232	66	73	164	-47
200—300 " . . .	792	443	349	78	109	178	-5
300—400 " . . .	932	468	464	75	124	200	+51
400—500 " . . .	1069	511	558	119	152	209	+40
500—750 " . . .	1412	626	786	106	203	220	+157
750—1000 " . . .	1489	472	1017	200	300	315	+275
св. 1000 " . . .	2891	846	2045	161	409	342	+254

Прежде всего мы видим разницу результатов в зависимости от метода группировки материала. Расположение хозяйств по величине посевной площади дает неустойчивые ряды, режущие глаз, привыкший к необычайно правильным закономерностям крестьянского хозяйства. Даже падающий ряд условно-чистого дохода на 1 десятину нарушается последней группой, дающей неожиданное повышение. Напротив, группировка тех же хозяйств по величине внутрихозяйственной ренты дает гораздо более наглядные результаты. Превосходство второго способа группировки оказывается несомненным.

Но какие же выводы по существу можно сделать из приведенных выше цифр?

Доходность хозяйства, отнесенная к единице площади, есть, как мы знаем, величина непоказательная и мало о чем говорящая. Нас не должно поэтому удивлять, что она колеблется от группы к группе, то повышаясь, то понижаясь. Это результат разного удельного веса земледелия и промыслов. Зато остальные ряды вполне красноречивы. Доходность каждых 100 рублей расхода неуклонно возрастает от группы к группе. Высшая цифра (342 рубля) превосходит низшую

(127 руб.) в 2,7 раза. Тот же условно-чистый доход, отнесенный к единице рабочей силы, дает еще более разительные результаты. Оплата своей рабочей силы тоже неуклонно повышается вместе с ростом экономической мощи хозяйства. При этом амплитуда колебаний производительности труда достигает огромных размеров. Доход единицы труда в высшей группе (409 руб.) в 12 раз превышает заработок в низшей (34 руб.). О том же говорит и последний столбец цифр. Чистый остаток на 1 хозяйство, т. е. фактический излишек, остающийся в распоряжении хозяина за вычетом всех расходов хозяйственных и личных, составляет отрицательную величину в низших группах и быстро повышается в высших. Это значит, что хозяйства убыточные, хозяйства не покрывающие даже личных потребностей, сменяются затем хозяйствами прибыльными, хозяйствами, за покрытием всех потребностей оставляющими в руках хозяина свободные излишки, при этом излишки не случайные и ничтожные, а постоянные и солидные. Три последние группы хозяйств имеют излишек в 25—58% по отношению к сумме хозяйственных расходов, и излишек этот наблюдается в 28 случаях, т. е. распространяется на 27% всего числа исследованных хозяйств.

Аналогичные данные можно было бы привести по целому ряду других районов. И везде мы натолкнулись бы на одни и те же факты: во 1-х, крестьянское хозяйство имеет излишки и при том весьма значительные по объему и распространенности, во 2-х, производительность труда и капитала неизменно поднимается по мере укрупнения хозяйства. Даже на данных самого Челинцева можно обнаружить те же явления. В средней полосе Тамбовской губернии заработок „едока“ превышает потребление в среднем на 37%; в отдельных хозяйственных группах это превышение достигает 110%. Неужели это все случаи „нормального скопидомства“, как думает, повидимому, Челинцев?

6. Две души крестьянского хозяйства.

Анализ теоретических основ и эмпирических аргументов трудовой гипотезы убедил нас в том, что существует еще какой-то не менее важный фактор сел.-хоз. эволюции, чем

семья. Этот фактор заключается в стремлении приобретательского хозяйства, каковым является крестьянское, к получению максимальной выручки путем минимальных затрат.

Народники прекрасно поняли и оценили роль семьи и запросов потребления в крестьянском хозяйстве, но проглядели живущие в нем стимулы приобретательства. Они слишком много говорили о крестьянской природе мелкого хозяйства и забыли, что оно прежде всего хозяйство, а потом уже крестьянское домоводство.

Чтобы приблизиться к истинному пониманию природы крестьянского хозяйства, мы должны поставить во главе его не обвешанного романтикой члена партии „земли и воли“, равно как и не капиталиста-предпринимателя, действующего по схеме Маркса. Во главе хозяйства должна стать реальная фигура экономического человека, обладающего как и всякий человек „запросами потребления“, но в то же время умеющего считать и отлично угадывать свои собственные выгоды.

Не одна, а две души живут в крестьянском хозяйстве. Одна — душа потребителя, отца многочисленного семейства, покорно взирающего на неудержимый прирост потомства и наивно мечтающего о „земле и воле“. И другая душа хозяина-предпринимателя, понимающего, что даже без эксплуатации чужого труда у него в руках верное средство к обогащению, душа хозяйственного мужичка, умеющего считать и знающего цену себе и своим продуктам, душа продавца товара, кооператора и вкладчика в сберегательные кассы.

Обе души не живут между собою в мире. Некоторые вдумчивые исследования земских статистиков позволяют уловить природу этой борьбы двух начал, — потребительского и приобретательского.

Мы говорим о так называемых „динамических“ исследованиях ¹⁾, важнейшим достижением которых нужно считать выяснение роли семейных разделов в крестьянском быту.

¹⁾ Отличительной чертой их является „связывание“ объектов наблюдения в различные моменты исследования. Благодаря этому получается возможность проследить индивидуальную судьбу каждого хозяйства. Из „динамических“ исследований наиболее интересна работа А. И. Хрищева: Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911 г. Енисейск. у. т. II, Тула 1916 г., затем Г. А. Куценко: Крест. хоз. в Сураж. у. Черниг. губ. по двум переписям 1882 и 1911 г. Чернигов 1916 г. и некот. др.

Раздел — это главная пружина народнического „механизма“ эволюции. Благодаря разделам число хозяйств увеличивается, население сидящее на земле уплотняется, и хозяйство „интенсифицируется“. В глазах народников раздел должен завершать естественный ход развития семьи и является необходимым этапом в судьбе каждого хозяйства.

На деле, как показывают „динамические“ исследования, далеко не все хозяйства переживают раздел. Целый ряд данных свидетельствует о том, что крестьянское хозяйство борется с разделами, оно противопоставляет силе стихийного размножения, влекущей к разделу, силу экономического благополучия, перевешивающего рост семьи.

Крестьянское хозяйство может быть уподоблено живому организму. Каждая из его клеток стремится к экономическому разбуханию. Приобретательский интерес, интерес собственника и владельца товара, гонит хозяйство вверх, заставляет прикупать землю и увеличивать скотовладение. Но тут же рядом действует другой момент, органическая сила стихийного размножения, давящая хозяйство книзу, понижаящая его благосостояние и влекущая к разделу. Земские исследования вскрывают любопытную картину динамических процессов в деревне. Точно клетки каких-то простейших организмов нарастают отдельные хозяйства, поднимаются по лестнице благосостояния и затем делятся, почкуются, распадаются на ряд меньших обесиленных единиц, чтобы с новой энергией начать разбухать и карабкаться по ступеням деревенского благополучия ¹⁾.

¹⁾ Статистические доказательства и иллюстрации описанных процессов можно найти в разных местах цитированных выше книг Хрищевой и Куценко. Напр., за 12 лет, отделяющих 2 исследования по Енисейск. у., из 20.802 хозяйств не делилось 78,3% (Хрищева, 21), из 1477 хозяйств Суражского у. за 30 лет не делилось 46,7%, кроме того 37,0% выселились и вымерли и только 26,3% разделились. Срок в 30 лет достаточен для „нормального“ развития молодой бездетной пары до семьи в 12 душ (ср. Чаплов, Староб. у. стр. 3—4). Если тем не менее наблюдается такой значительный процент неделившихся, то, значит, раздел не обязательно венчает историю каждой семьи. Раздел постигает по преимуществу чрезмерно крупные семьи. Из хозяйств, имевших в 1899 г. в Енисейск. у. 13 и более членов семьи, разделилось к 1911 г. 78,2%; а из хозяйств с 6—7 членами — только 16,8% (Хрищева, 45). Сравнивая изменения признаков благосостояния неделившихся и разделившихся семей в 1899 и 1911 г.,

Каждое хозяйство остро переживает процесс семейного раздела и распыления. Раздел не есть естественная смерть старого организма, это его болезненный распад, означающий, что хозяйство не справилось со стихийной силой размножения, что последнее идет быстрее, чем накопление богатства. И после каждого раздела хозяйство с новой силой начинает накапливать свои производительные средства, в надежде, что хоть на этот раз ему удастся перерости рамки привычного бюджета и преодолеть стихийную силу измельчания.

В этой борьбе двух начал, — стихийно-органического и рационально-экономического, — победа до сих пор оставалась за первым. Размножение и уплотнение сельского населения обгоняло рост благосостояния. Одним из наиболее благоприятствовавших этому факторов был общинный порядок землепользования. Община своими постоянными переделами облегчала заботу о судьбе подрастающего поколения и искусственно удерживала на земле большее число населения, чем осталось бы на ней при других условиях.

Не случайно сгущение населения происходит гораздо быстрее в районах общинного, чем индивидуального земле-

мы владения, что первые богатеют, а вторые беднеют. Так, среди недвижимых долей бесскотных и имеющих до 2-х голов скота падает с 43,3 до 35,9%, а % имеющих скота более 2-х голов возрастает в этой же пропорции. Наиболее интенсивный рост обнаруживают при этом высшие группы с 4—6, 6—10, 10 и более головами скота. Напротив, среди разделившихся % бесскотных вырастает сразу с 4,8 до 19,8 и имеющих скота менее 2-х голов с 13,1 до 27,7, а тех и других вместе с 17,9 до 47,5%. Соответствующим образом падает % хозяйств более обеспеченных скотом, при чем наибольшее сокращение обнаруживают опять таки высшие группы (Хрящева, 184). Соответствующие изменения можно обнаружить и по другим признакам благосостояния: напаше, лошадям, посевам (Хрящева, 175, 180, 186). Важно отметить, что процесс измельчания хозяйств происходит интенсивнее, чем процесс укрупнения. Это отражается на средних цифрах и в целом. Вниф. у., как и другие, показывает обычные черты „народнической“ эволюции, „подвижку вниз“ или „нивелировку“ и т. под. Дальнейший анализ цифр убеждает нас в том, что разделившиеся хозяйства не сдаются без боя. До раздела у них наблюдается и повышенная промысловость и более энергичная аренда земли, чем у поделившихся (Хрящева, 63—7). Это показывает, что хозяйство принимает меры против оскудения, идущего вслед за ростом семьи. Оно борется за прежнее благополучие и даже стремится его повысить. Раздел и следующий за ним упадок хозяйства есть неудача в этой борьбе.

пользования. При одинаковой рождаемости увеличение числа рождений в единицу времени может служить показателем роста густоты населения. По сделанным мною подсчетам, в Полтавской губ. с ее 85% подворников, прирост числа рождений в 1913 году по сравнению с 1882 годом составил всего 8%. В соседней Харьковской губернии, где, наоборот, общинников 95% и только 5% подворников, число рождений за тот же 30-летний период возросло на 52%. В смежных Ковенской и Смоленской губерниях число рождений увеличилось на 3% в первой и на 40% во второй. В Ковенской губернии 100% подворников, а в Смоленской только 4. В Прибалтийских губерниях, не знающих общинных порядков и придерживающихся системы единонаследия, число рождений через 30 лет едва увеличилось на 1%.

В результате общинных порядков и ряда других условий мы стали аграрно-перенаселенной страной. В массе своей крестьянское хозяйство выполняло бесплодную работу данаид. Его атомы не могли увеличить своей средней величины, в каждом из них нарастание благосостояния не могло перерости минимального потребительского бюджета. Мы видели, что измельчание делящихся хозяйств протекает гораздо быстрее, чем нарастание неделимых. К этому нужно прибавить, что соединения нескольких хозяйств в одно, т. е. процесс, противоположный разделам, встречается гораздо реже последних. По Епифанскому у. „интенсивность процессов, понижающих тип хозяйства во всех отношениях, в 17 раз сильнее интенсивности процессов, повышающих тип хозяйства“. В итоге противоположных тенденций крестьянское хозяйство в среднем беднеет, нивелируется, и общий тон эволюции приобретает черты потребительского идеала. Народнические теории правильно подметили направление движения и хорошо описали механизм уплотнения населения, как основной фактор эволюции. В этом то зерно истины, на которое может претендовать всякая теория. Отсюда вытекают и основные выводы разбираемой теории относительно исхода борьбы между мелким и крупным хозяйством, потребительской, единосохраняющей роли интенсификации хозяйства и т. д. и т. д.

Но дальше мы не можем следовать за народниками и отождествлять эволюцию крестьянского хозяйства с его про-

грессом. Не один, а два фактора эволюции мы нашли, и из этих двух факторов, органического и экономического, положительным знаком наделен только последний.

Каков идеал прогрессирующего крестьянского хозяйства? Он тот же, что и идеал хозяйства вообще. Частнохозяйственная цель индивидуалистического предприятия заключается в получении возможно большей разницы между затратами и выручкой, в получении возможно большего дохода. Только ту же цель может преследовать и „народно-хозяйственная“ точка зрения. Понятие „народного дохода“ есть фикция, если только не рассматривать его, как сумму индивидуальных доходов всех хозяйств, составляющих тело народнохозяйственного организма. Мерилом благосостояния страны может быть только средний уровень фактических доходов большинства ее населения.

С индивидуалистической точки зрения единственной реальностью народного хозяйства является отдельное хозяйство. Мы ищем законов его развития, и наш идеал прогресса должен совпадать с его представлением о том же предмете. Этот идеал, повторяем, заключается в возможно большем увеличении дохода. Он сохраняет силу и для одной из разновидностей приобретательского хозяйства, для хозяйства крестьянского. Только здесь народнохозяйственный и частнохозяйственный идеалы сливаются еще теснее. Цель крестьянского хозяйства — увеличение дохода, и мерилом этого дохода, как мы знаем, служит производительность труда, занятого в хозяйстве. С народнохозяйственной точки зрения идеал не может быть иным, и критерий достижения его тот же самый. Абсолютно-высокая производительность единицы труда и тенденция к дальнейшему ее повышению — вот несложная формула хозяйственного прогресса с обеих точек зрения.

Отсюда ясно наше отношение к каждому из двух основных факторов аграрной эволюции. Размножение населения понижает производительность труда, а стремление к богатству повышает его. Значит, с точки зрения прогресса органический фактор эволюции наделен отрицательным знаком, а экономический — положительным.

Отсюда вытекает и необходимость пересмотра основных положений трудово-потребительной теории. Пусть стихийная

эволюция ведет к неуклонному измельчанию хозяйств и нарастанию валового продукта на единицу площади. Однако, нельзя безоговорочно признать положительными фактами ни вытеснение крупного хозяйства, ни рост интенсивности сельского хозяйства, сопутствующий увеличению валового продукта.

Что касается последнего вопроса, то нужно различать интенсификацию вынужденную и рациональную. Гонимый нуждою человек может пойти на самую бессмысленную растрату своих сил и капиталов, лишь бы получить достаточно средств пропитания для своего домохозяйства. Стремление к увеличению чистого дохода тоже может послужить поводом к увеличению сумм прикладываемых к земле личных и материальных средств. Сопоставление интенсивности и чистого дохода в разных странах дает совершенно различные результаты. В условиях германского сельского хозяйства увеличение интенсивности хозяйства идет нога в ногу с ростом дохода на единицу затрат труда и капитала. То же самое может быть установлено для американского земледелия. Рациональная интенсивность нашего юго-западного помещичьего хозяйства так велика, что, по свидетельству Чупрова и Косинского, она не может быть перевешена вынужденной интенсификацией крестьянского хозяйства. Несмотря на низкую оценку собственных издержек производства и иной счет доходов, чем в капиталистическом хозяйстве, крестьянину оказывается выгоднее прилагать свой труд в помещичьем поле, чем употреблять его на „интенсификацию“ собственного производства.

Совершенно иной смысл имеет та истинно-русская „интенсификация“ сельского хозяйства, которая так радует сердца народников. Профессор Челпанов тратит массу кропотливейшего труда, чтобы доказать „превосходство“ крестьянского хозяйства над помещичьим. И действительно, первое оказывается „интенсивнее“ последнего даже в таких, казалось бы неприступных твердых помещичьих хозяйствах, как разведение корнеплодов и других технических растений. На основании подобных же доводов, такой умеренный автор, как проф. Кауфман, считает возможным почти до основания разрушить крупное хозяйство. Предложенные им в Главном Земельном Комитете Временного Правительства „нормы

оставления" земли свидетельствуют о полной солидарности с народничеством и преклоении перед интенсификаторскими возможностями крестьянского хозяйства. Но разве не ясно, что речь идет о явлении совершенно иного порядка, чем то, которое наблюдается в Америке, Германии и нашем Юго-Западном крае? То увеличение затрат и валового продукта на единицу площади, которое так радует сердце идеологов крестьянского хозяйства, в действительности является симптомом роста населения, обгоняющего увеличение народного богатства. И мы знаем уже, что вынужденная интенсификация в отличие от рациональной покупается дорогой ценой: падает производительность человеческого труда, предлагаемого к земле.

Двойственность процесса аграрной эволюции заставляет нас посмотреть иными глазами и на распределение земельной собственности.

Старый спор между сторонниками мелкого и крупного производства в земледелии можно считать давно уже разрешенным в том смысле, что для правильного и наиболее успешного развития сельского хозяйства необходимо известное сочетание крупных, средних и мелких хозяйственных единиц. Как в промышленности происходит естественное размежевание областей господства капиталистического и ремесленного производства, так и в сельском хозяйстве крупно-капиталистическое и мелко-крестьянское производство выполняют каждое порознь свои специфические и незаменимые функции.

В общей эволюции сельского хозяйства в большинстве стран мелкие формы землепользования распространяются за счет крупных. Однако, до известных пределов. В каждой нормально развивающейся стране крупное хозяйство сохраняет за собой известные позиции, где оно оказывается неуязвимым для конкуренции мелких земледельцев или наиболее целесообразным с народно-хозяйственной точки зрения. К числу бесспорных преимуществ крупного капиталистического земледелия относится прежде всего более высокая чистая производительность его, позволяющая создавать больший избыточный продукт по расчету на единицу затраченного труда и капитала, чем при мелком производстве. Крупные хозяйства являются, далее, основными поставщи-

ками рыночных запасов продовольствия и сырья, главным источником снабжения городов и фабрик. Некоторые отрасли сельского хозяйства, как например, свекловичное производство, приходится прямо считать почти монопольной специальностью крупного хозяйства, благодаря тем высоким требованиям по отношению к запасам капитала и знаний, которые представляют эти культуры. Наконец, хорошо организованное крупное хозяйство есть незаменимый рассадник практического сельскохозяйственного просвещения, живой проводник усовершенствованной техники, источник посевного и племенного материала для окружающей его массы мелких крестьянских хозяйств.

Безусловно полезна значительная дифференциация и по отношению к мелкому крестьянскому хозяйству. И здесь должна быть гамма оттенков экономической мощности, составляющая незаметный переход от мельчайших единиц, едва удовлетворяющих свои собственные первичные потребности, до сравнительно крупных предприятий, имеющих значительные излишки продуктов сверх собственного потребления и регулярно выбрасывающих их на рынок. Для такой крестьянской страны, как Россия, абсолютно необходим значительный слой хозяйств, имеющих избытки производства по сравнению с собственным потреблением. Именно эта группа хозяйств является основным источником покупательной и платежной силы населения, именно эта группа создает "чистый продукт" земледелия, за счет которого содержится и промышленность, и государство.

С этой точки зрения особенно опасным представляется увлечение народников всех формаций ростом интенсивности и валового продукта, сопровождающим измельчание хозяйственных единиц. Параллельно с ростом валовой производительности по расчету на единицу площади может идти сокращение "чистого продукта" земледелия со всеми его вредными последствиями. При прочих равных условиях преобладание мелких и мельчайших хозяйств ведет к понижению излишков сельскохозяйственного производства по сравнению с таким распределением той же посевной площади и материальных средств производства, в котором достаточное место занимают сравнительно обеспеченные капиталом и крупные хозяйства. Ссылка на то, что при распылении зе-

мельной площади страна может прокормить избыточное население, не поглощаемое промышленностью, мало убедительна. В лучшем случае она позволяет смотреть на измельчание хозяйств, как на необходимое зло, но ни в коем случае не как на абсолютное благо. В действительности между развитием промышленности и степенью измельчания крестьянского хозяйства существует причинная связь. Чем мельче строение сельского хозяйства, тем ниже чистый его продукт и тем меньше фундамент для развития промышленности. Государство, способствующее чрезмерному раздроблению земельной собственности, сжимает внутренний рынок и ограничивает возможности промышленного развития.

Идеализация механизма сельско-хозяйственной эволюции приводит к гибельному концу. Ведь крестьянское хозяйство побеждает, как мы видели, главным образом благодаря „особому“ способу определения своих издержек производства и дохода. Особая природа крестьянского хозяйства заключается просто в оплате труда неполным рублем.

„Это такое же преимущество, замечает проф. А. А. Мануилов, какое имеет китайский кули с его минимальными потребностями и соответствующей им низкой заработной платой, при конкуренции с культурным рабочим, требующим высокой оплаты своего труда, соответствующей высокому уровню своей жизни“.

Можно только присоединиться к этой оценке крестьянского хозяйства. Сила крестьянского хозяйства в его слабости. Справившись с капиталистическим хозяйством, победоносное оружие направляется против самого же крестьянства. „Выгоды“ и „преимущества“ мельчающего хозяйства почти безграничны. Пожрав помещичьи хозяйства, оно принимается за свои собственные верхи, затем сердцевину и, наконец, начинает вариться в соку нищеты и беспомощности.

Низкая производительность мелкого хозяйства, обнаруженная нами на примере Костромских бюджетов, заставляет думать, что процессы разложения зашли у нас слишком глубоко. Повышение производительности труда по мере укрупнения хозяйств наблюдается и в крестьянском быту других стран. По данным известных вычислений доходности швейцарских хозяйств, оплата рабочего дня в мелких крестьянских предприятиях составляет 2.97 фр. в день, в мелко-

средних 3.70, в средних 4.13 и в крупно-средних 4.96. Но уже в последней группе крестьянских хозяйств оплата дня труда останавливается почти на том же, даже несколько более низком уровне (4.95 фр.): У нас в Костромской губернии амплитуда колебания производительности труда гораздо шире. Оплата рабочей силы в высшей группе в 12 раз превышает оплату в низшей. При этом не нащупывается никакой границы дальнейшего нарастания производительности труда. По крайней мере исследованием не захвачены такие хозяйства, где выгоды укрупнения перевешивались бы недостатками его, и где обнаружилось бы, если не падение, то хотя бы остановка нарастания дохода.

Разница между швейцарскими и нашими цифрами может иметь только одно значение. Измельчание хозяйств зашло у нас гораздо дальше, чем на Западе.

Бюджетные данные, как и целый ряд других, показывает, что мы давно уже вступили в полосу аграрного перенаселения. Не следует утешаться обманчивым видом земельного простора. Перенаселение понятие сложное и относительное. Как раз по отношению к нам сбывается пророчество Мальтуса: „Нередко менее всего населенные страны, говорит он, оказываются более всего обремененными своим населением и более всего страдают от влияния закона народонаселения“¹⁾.

Трудно переоценить роль аграрного перенаселения не только в новейшей истории нашего народного хозяйства, но и в политических событиях последних лет. Выяснение истинной роли этого фактора было бы благодарнейшей задачей для историка наших дней.

Но какие выводы может сделать из сказанного экономист-политик? В задачу настоящего очерка не входит программа рациональной экономической политики. Определив болезнь, не трудно назначить и лечение, лишь бы недуг не оказался слишком застарелым и неизлечимым.

Народники видят в крестьянском хозяйстве средство для размещения избыточного населения. Мы должны помнить, что трудовое хозяйство есть не только средство от перенаселения, но и причина его. Из двух факторов, борю-

¹⁾ Мальтус. Опыт закона о народонас. М. 1895, стр. 200.

щихся в крестьянском хозяйстве, государство должно взять под свое покровительство, быть может, временно более слабый, но единственно прогрессивный. Нужно помочь экономическому фактору. До сих пор симпатиями пользовался почти один органический.

Развитие потребностей и ставка на сильное хозяйство — таковы основные черты политики, рассчитанной на разрежение крестьянского населения и, следовательно, на увеличение производительности сельского труда. Здесь не место выяснять детали этой политики, равным образом и решать вопрос о размещении в промышленности избыточного населения. Моя задача только в том, чтобы лишний раз подчеркнуть и напомнить, что стихийная эволюция во главе с „инициативным“ фактором уплотнения населения ведет нас, если не завела, в тупик. Чтобы выйти из него, нужны героические усилия. Мы не дооцениваем нашего внутреннего врага. Нельзя так просто решать вопрос об уплотнении населения, как это делают народники и социалисты.

„Удавшееся уплотнение, говорит знаменитый немецкий экономист Шмоллер, есть результат совершеннейшего государственного искусства и высокой культуры не только руководящих верхов, но и всего народа. Не всякий народ успевает в этом, неспособные останавливаются в равновесии, стареются и умирают. Здоровые и сильные успевают, однако, не легко, а в процессе борьбы, длящейся поколениями“¹⁾.

Эти предостерегающие слова прямо относятся к современной России. Судьбы нашей родины тесно связаны с решением аграрного вопроса. Если мы сумеем справиться с аграрным перенаселением, хотя бы ценою борьбы, длящейся пополнениями — мы спасены. Если мы пойдем дальше по пути стихийного уплотнения — нас ждет судьба Китая.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. Цели очерка.	3
2. Неонародничество	4
3. Трудово-потребительная теория	9
4. Основная ошибка трудово-потребительной теории.	17
5. Эмпирические аргументы трудово-потребительной теории.	25
6. Две души крестьянского хозяйства.	35

¹⁾ G. Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. I Teil, Berlin, 1919, стр. 189.